

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПСИХИКИ



М. М. Решетников

*Восточно-европейский институт
психоанализа, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: veip@yandex.ru*

Проблема психики и сознания на протяжении двух последних тысячелетий остается одной из самых загадочных и все еще нерешенных. Сейчас уже мало кто вспоминает, что лишь Аристотель считал психику структурой, не принадлежащей к телу. Но эта идея имела очень короткую жизнь. Гиппократ похоронил ее и на все последующие столетия провозгласил, что вместилищем всех психических процессов является головной мозг. Даже такой гений, как Рене Декарт поверил Гиппократу безоговорочно и потратил месяцы, пытаясь найти память и эмоции в извилинах и желудочках мозга. По этому же пути — поиску материальных структур психики пошли И. М. Сеченов, И. П. Павлов и многие другие. В последующем рождались, объявлялись новыми и революционными и умирали, не успев состариться, аналогичные ошибочные идеи. Но умирали не только идеи, но и пациенты, которых пытались лечить гипотетическими методами. Автором формулируется идея о мозге как биологическом интерфейсе и обосновывается нематериальная теория психики, которая претендует на роль открытия и потребует смены ряда основных парадигм в науках о человеке.

Ключевые слова: биологический интерфейс, информация, мозг, нервы, психика, психопатология, психофармакология, структуры мозга, структуры психики.

DOI: 10.7868/S1819265318030020

Для цитаты: Решетников М. М. (2018) Методологические предпосылки и основания нематериальной теории психики // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 28–46.

Ты никогда не решишь проблему, если будешь думать так же, как те, кто ее создал.

Альберт Эйнштейн

Часть I

Введение.

Идеи имеют самостоятельную жизнь

Геоцентрическая система мира Клавдия Птолемея, согласно которой Земля находится в центре мироздания, а все небесные тела обращаются вокруг нее, родилась во II веке нашей эры и гла-

венствовала пятнадцать веков. В 1530 году Николаем Коперником была обоснована гелиоцентрическая система мира, центральное положение в которой занимало Солнце. Однако эта идея выдвигалась гораздо раньше Аристархом Самосским — еще в IV–III вв. до нашей эры. За эту идею он был обвинен в непочитании богов и изгнан из Афин. Нечто подобное происходило и с революционным откры-

тием Коперника, так как новая система мира подрывала основы авторитета церкви — главного куратора науки в тот период. От преследования Коперника спасла только его ранняя смерть. Но преследование сторонников его теории продолжалось еще долго. За распространение учения Коперника в 1600 году по решению суда инквизиции был сожжен на костре ученый-монах Джордано Бруно.

Этим экскурсом в историю мне хотелось продемонстрировать, что идеи имеют самостоятельную жизнь, они рождаются, взрослеют, стареют и умирают, чаще всего в мучительной и жестокой агонии, цепляясь за жизнь через своих авторитетных или обладающих реальной властью приверженцев. Но даже умирающие идеи обладают огромной силой и способны убивать. Они способны убивать не только другие идеи, но и людей. Причем, в отличие, например, от астрономии, генетики или психоанализа, где реальной казни или остракизму подвергались отдельные ученые-новаторы, в медицине идеи способны убивать не только пропагандистов новых идей, но и тысячи ни в чем неповинных пациентов. Подробнее об этом будет сказано чуть ниже.

Нагруженность теорией

В современной науке такая приверженность устаревшим знаниям о тех или иных явлениях природы получила наименование «нагруженность теорией», которая влияет не только на интерпретацию фактов, но и на планирование новых экспериментов, которые в большинстве случаев исходно строятся под некую устаревшую теорию. Такие эксперименты закономерно не только подтверждают доминирующие заблуждения, но и служат основой для новых теоретических схем и объемного финансирования новых научных разработок, в ряде случаев не ведущих никуда.

В информационную эпоху для всех аспектов жизни общества самыми значимыми становятся идеи и представления о психике, от проблематизации и решения которых напрямую зависит развитие философии, социологии, политологии, соматической медицины, психиатрии, психологии, решение проблем информационного взрыва, субъектов высоких технологий, системы «промывки мозгов», искусственного интеллекта и т.д.

Подмена понятий

На протяжении двух последних тысячелетий проблема психики решалась в самом примитивном виде на основе гипотезы Гиппократов, провозгласившего, что вместилищем всех психических процессов является головной мозг. К последователям этих гипотетических представлений о психике, прежде всего, нужно отнести таких выдающихся ученых как Р. Декарт (1989), И. М. Сеченов (1953), И. П. Павлов (1949), которые на столетия определили основные направления развития физиологии, психологии и психиатрии. Не будем упоминать множество менее известных имен, но сразу отметим, что ошибки гениев — это великие ошибки, и к ним мы еще вернемся.

Благодаря авторитетной поддержке упомянутых выше гениев, гипотеза Гиппократов постепенно приобрела статус главенствующей научной доктрины, которая по мере развития науки и появления более тонкой аппаратуры для исследований постоянно уточнялась. Психику искали в коре головного мозга, в извилинах головного мозга, в желудочках мозга, в подкорковых образованиях, в условных рефлексах, в электрической, волновой и квантовой активности мозга и т.д. И наконец: «о, чудо!» — ее нашли в синаптической щели (Lapin, Oxenkrag, 1969), негласно признав обмен медиаторов новым эквивалентом психики и основной

мишенью практически всей современной психофармакологии.

Даже удивительно, что на протяжении двух тысячелетий ученые не замечали подмену понятий: они говорили и писали об изучении или о терапии психики, а изучали и «лечили» мозг, параллельно изобретая псевдофизиологическую и псевдопсихологическую терминологию для описания «мозговых механизмов психических процессов».

Несколько забегаая вперед, попытаемся предельно просто объяснить это заблуждение. С таким же успехом можно было бы считать, что самым главным в компьютере является его аппаратная часть: клавиатура, экран, проводники и электронные блоки (обычно обозначаемые как hardware, или «железо»), — и при этом вообще забыть о существовании у компьютера программного обеспечения (software). А затем на основании изучения материалов, из которых сделаны экран и клавиатура, а также измерения напряжения и сопротивления на клеммах аппаратной части компьютера пытаться описать: какое программное обеспечение сейчас работает и что именно оно делает?

То, что это нонсенс, вроде бы должно быть понятно любому здравомыслящему человеку. Но тогда к таким же бесплодным попыткам следует отнести еще недавно сверхпопулярные попытки расшифровки мыслей по электроэнцефалограмме (на чем специализировались десятки научных центров), так же как и сменившие их эксперименты по «распознаванию мыслей» с помощью компьютерной нейровизуализации. У этих идей и этих научных центров есть только один чрезвычайно поучительный исторический аналог — просуществовавшая десятки лет в Научно-исследовательском институте мозга Академии наук СССР специальная исследовательская программа по изучению анатомических препаратов мозга Ленина с целью найти матери-

альные (гистологические) основания его гениальности. Естественно, что автор ни в коей мере не отвергает находки и открытия, сделанные советскими учеными параллельно с этим заведомо бесперспективным направлением исследований, которые базировались на самом примитивном материализме. Но далеко ли мы ушли от последнего, когда переместили свои научные интересы и поиски психики в синаптическую щель?

Ложные идеи в медицине

Ложные идеи и теории периодически появлялись и появляются во всех науках. Но в отличие от всех других наук, в медицине ошибочные идеи о психике имели и все еще имеют свою особую специфику. В чем же эта специфика? Сразу после появления те или иные гипотезы о психике тут же трансформировались в некие умозрительные теории психопатологии, которые затем, как уже отмечалось, некритически внедрялись в практику терапии и даже хирургии психических расстройств. По сути, речь идет об экспериментах над миллионами людей. Анатомический подход к «структурам психики» стимулировал идеи лоботомии и рассечения мозолистого тела мозга; идея электрической активности вызвала тысячи «лечебных» экспериментов с электрошоком; затем появилось, и вскоре было отменено как сомнительное, «лечение» с помощью инсулинового шока, а новейшие (по историческим меркам) «биохимические теории психики» вызвали появление новой отрасли химической промышленности — психофармакологии. В итоге вся современная терапия психических расстройств осуществляется преимущественно с применением психофармакологии, которая направлена на коррекцию обмена нейромедиаторов в синаптической щели и, таким образом, — якобы на психику. Но вопрос о том, приводят ли эти «самые современ-

ные» методы терапии психических расстройств к выздоровлению пациентов, остается открытым.

Что объединяло и продолжает объединять всех упомянутых выдающихся ученых — от Гиппократов до наших современников? Их объединяет могущественная, заманчивая и предельно материалистическая идея: найти материальный субстрат психики. Подчеркнем — не материальные структуры, на основе которых реализуется психика, а именно материальный субстрат психики. Идея исходно порочная.

Качественно иные подходы к психике предлагались учеными весьма редко. В качестве таковых можно упомянуть всего несколько имен, в частности: З. Фрейда, который рассматривал психику как эпифеномен (Фрейд, 2006), В. М. Бехтерева, который, исходя из того, что психиатрия — это наука о духе, считал ее положение в естественно-научной медицине весьма сомнительным (Бехтерев, 1997). Из наших современников следует упомянуть Д. И. Дубровского, который в 60-х годах прошлого века опубликовал ряд философских работ по информационному подходу к объяснению субъективной реальности (Дубровский, 2015).

Гипотеза о биологическом интерфейсе

В противовес традиционным представлениям о психике (и развивая идеи своих предшественников, прежде всего — идею И. П. Павлова о второй сигнальной системе, к которой мы еще вернемся) в 2008 году автором вначале была выдвинута гипотеза о мозге как биологическом интерфейсе (Решетников, 2008; 2011). В рамках этой гипотезы проводилась уже упомянутая выше аналогия между мозгом и компьютером. Мозгу отводилась роль аппаратной части, или «железа» (hardware), а психика интерпретировалась

как программное обеспечение компьютера, обычно именуемое «софт» (software). Соответственно, процесс формирования у ребенка способности к языковому общению, воспитание и обучение рассматривались как вариант программирования. Подчеркнем — программирования, которое, как и в технических системах, осуществляется на конкретном языке.

Психическая деятельность в данном случае рассматривалась как вариант информационного обмена и взаимодействия, а также как процессы накопления и обработки информации, которые возникают и функционируют только в случае раннего погружения в социальную (информационную) среду, как своеобразную глобальную сеть. Напомню широко известный тезис Ж. Лакана (1995), что ребенок рождается в «купель языка», или — используя современную терминологию: его психика исходно подключается к информационной сети социума (как доказано современной наукой, это происходит еще в пренатальный период).

Одно из ключевых положений предложенной в 2008 г. гипотезы состояло в следующем: со временем особая роль мозга будет пересмотрена и в новой системе представлений ему будет отведена более скромная, но не менее значимая роль — связующего звена между идеальным и реальным, или, выражаясь современным языком — биологического интерфейса (Решетников, 2008).

Никто не будет оспаривать, что головной мозг и нервная система — это материальные структуры, которые осуществляют регуляцию деятельности всех внутренних органов, рефлекторных реакций и адаптивных функций *организма*, также как и то, что *на основе этих структур* осуществляется психическая деятельность.

Но суть собственно психической деятельности несколько иная. Мы получаем информацию, накапливаем, перерабатываем и верифицируем информацию,

производим информацию — это и составляет содержание психических процессов, пока доступных для исследования только с помощью самонаблюдения или внешнего наблюдения по их косвенным проявлениям, символизируемым в речи и идеомоторике. Однако не стоит забывать, что мысли и речь подчиняются разным законам. В итоге нужно признать, что не только в процессе бытового общения, но даже в наших научных обобщениях то, что мы думаем, и то, что мы говорим, — не совпадает гораздо чаще, чем нам кажется.

Часть II

Нематериальная теория психики

Последующее развитие предложенной автором гипотезы (Решетников, 2018; Reshetnikov, 2017a; 2017b; 2018a; 2018b; 2018c) было связано с одним чрезвычайно важным положением, которое долго ускользало от внимания психологов, физиологов и психиатров и никак не учитывалось в их теоретических построениях и гипотезах. *Информация современной академической наукой общепризнанно характеризуется как нематериальный фактор.* Напомню, что еще создатель кибернетики Н. Винер обосновывал, что информация это не материя и не энергия, информация — это информация (Винер, 1968). Общепризнанным фактом в академической науке это стало несколько позднее. Материальны только носители информации (биологические, бумажные, электронные и т.д.). Нужно признать, что определение Н. Винера далеко не самое лучшее. Точнее было бы сказать, что информация — это структура, принадлежащая к категориям идеального (к этому термину мы еще вернемся ниже).

Тем не менее, являясь нематериальной, любая информация обретает (именно обретает, а не имеет исходно!) ряд количественных и качественных характе-

ристтик. Она может быть нейтральной, эмоционально насыщенной, устрашающей, правдивой, ложной и т.д., но все эти характеристики появляются только при наличии субъекта восприятия информации, причем у разных субъектов одна и та же информация может вызывать абсолютно разные психические реакции (вспомним 11 сентября 2001 г.: траур в США и ликующая толпа в Ливии).

Само по себе информация на каком-либо носителе (вне субъекта или при отсутствии субъекта) — фактически не существует. Лишь живые существа (и в самой высокой степени — человек) могут являться одновременно и субъектами восприятия, и производителями, и носителями, и хранителями, и верификаторами нематериальной информации.

Заблуждения, извращающие научные истины

Укоренившиеся представления о мозге как вместилище всех психических функций породили массу заблуждений, которые давно вошли в обыденную речь, а в науке привели к известному феномену «нагруженности теорией» (когда все, что лежит за пределами главенствующей научной доктрины, исходно отбрасывается). Совершенно привычными стали фразы о том, что «у кого-то не все в порядке с нервами», хотя нервы — это просто проводники; другой вариант: «мне пришло в голову», но приходит не в голову, а «на ум» и т.д. В целом, идентификация нервного и психического на уровне обыденного сознания и даже научного знания — запредельна. С удивлением читаю труды современников — физиологов, психологов и психиатров, где сплошь и рядом фразы: «мозг опознал», «мозг дал команду», «мозг проанализировал» и т.д. В целом, фраза о том, что «человек думает головным мозгом», звучит столь же нелепо, как если бы кто-то утверждал, что

мы ходим спинным мозгом, исходя из того что все двигательные импульсы замыкаются именно на этом уровне.

Обратимся еще раз к метафорическому объяснению: не компьютер что-то помнит, находит, считает или анализирует. Все это делает нематериальное программное обеспечение, без которого компьютер это просто железо. Точно так же мозг (без сформированной под воздействием социума психики) это просто биологический субстрат, ткань (а при наиболее частом подходе — синапсы, химические медиаторы, нервные центры и проводники нервных импульсов, не более того).

При этом всеми современными науками о человеке вообще не замечаются коренные отличия нервной системы от психики. Их несколько, но главное: здоровая психика способна отличать воображаемые стимулы от реальных. Нервная система и на те и на другие может реагировать практически одинаково. На этом основаны все техники внушения и самовнушения, когда, например, представление о том, что рука погружена в горячую воду, тут же сопровождается повышением температуры кожных покровов кисти, а представление спринтерского бега на 100 метров тотчас сказывается на частоте пульса.

Здесь уместно вспомнить уже хрестоматийные опыты Ж. Шарко с внушенными параличами, которые поражали руку (не владеющей медицинскими знаниями) пациентки не в соответствии с зонами иннервации, как это бывает при реальных параличах, а как руку в целом — т.е. так, как она была представлена в индивидуальном сознании пациентки. Странно, но ни Ж. Шарко, ни З. Фрейд и В. М. Бехтерев (наблюдавшие эти опыты) не сделали естественного и даже напрашивающегося вывода: не нервная система управляет психикой, а (по крайней мере, применительно к этому конкретному случаю) психика управляет нервной системой.

Мозг — это тоже сома

Идеи о возможности влияния психики на соматические функции (сформулированные Й. Гейнротом в 1818 г.) были революционными, категорически противоречили представлениям о неких «мозговых структурах психики» и именно поэтому так долго (более ста лет) не принимались официальной наукой, существуя преимущественно на уровне обыденного сознания (Губачев, Стабровский, 1981). Образно говоря, там, где врачи терялись в вопросах этиологии заболевания, сам пациент или его родственники легко диагностировали наступление «болезни от горя» или «из-за несчастной любви». Постепенное признание концепции психосоматической патологии, казалось бы, дезавуировало почти утвердившиеся в медицинской науке представления об идентификации психических феноменов и их материальных носителей — мозга, физиологических и биохимических процессов. Однако это открытие долгое время осталось как бы незамеченным ни в психиатрии, ни в медицине в целом.

В 30-е годы XX века признание влияния психики на сому все-таки состоялось, появились психосоматические общества врачей и специализированные психосоматические отделения. Но за пределами психосоматических клиник это не так уж существенно повлияло на сложившиеся в течение двух тысячелетий подходы к терапии психических и психосоматических расстройств. Эта терапия по-прежнему осуществляется преимущественно путем лечения того или иного органа и психофармакологического воздействия на соматические структуры мозга. Фактически, этим как бы негласно признается, что психика — это таки набор неких химических реакций или некое производное мозговых структур, примерно такое же, как желчь относительно печени.

Психопатология и психофармакология

Обратимся к психопатологии. Как представляется, мы до настоящего времени не совсем точно выделили два ее принципиально различающихся типа и два принципиально различающихся подхода к терапии психопатологии. А именно:

1. Психопатология, которая развивается как следствие органических поражений головного мозга: вследствие инфекционных процессов, склеротических изменений, онкологических заболеваний и т.д. То есть речь идет о тех случаях, когда повреждается носитель информации — мозг (возвращаясь к примитивной аналогии с компьютером — поломка произошла в «аппаратной части», в «железе»). В этом случае даже по внешним признакам (чувствительным, двигательным, поведенческим и психическим реакциям) локализация поврежденной части мозга легко диагностируется, а подходы биологической медицины абсолютно адекватны: нужно лечить мозг, используя соответствующие препараты (химические вещества), с помощью оперативного вмешательства, с применением облучения или лазера и т.д.

2. Психопатология, которая развивается как следствие информационного поражения самой психики, т.е. когда один нематериальный фактор (например, индивидуально значимая психическая травма) повреждает другой нематериальный фактор (нормально функционирующую психику), точно так же как компьютерный вирус (информация) повреждает до этого стабильно функционирующее программное обеспечение (software).

Приведем самый простой и наглядный пример второго варианта. В октябре 2005 года (когда чеченская война уже окончилась) в электронных СМИ появилось сообщение о массовом отравлении каким-то нервнопаралитическим газом учащихся одной из школ в Чечне. Внача-

ле заболела одна девочка, потом две, затем еще три, затем двадцать девять. После показа сюжета об «отравлении» по телевидению такие же массовые «отравления» стали появляться в других школах, удаленных на десятки километров от первой. При серьезном изучении это «отравление» (с которым в октябре—декабре 2005 было госпитализировано 86 детей!) оказалось типичным вариантом массового психического заражения ложными идеями, или, как сейчас это иногда обозначается — «болезнями, передающимися информационным путем». В целом, по такому же (паранойальному) сценарию развиваются и межнациональные конфликты (Volkan, 2003).

В отличие от первой группы, психические нарушения в этом случае (в зависимости от индивидуальных особенностей того или иного субъекта) исходно могут реализоваться в самых различных вариантах: от легкой дисфории до тяжелой депрессии, аутизма или устойчивой паранойи (в сочетании с психосоматическими расстройствами). Терапия в таких случаях соответственно должна осуществляться путем информационного воздействия на поврежденные не мозговые, а психические структуры.

Химическое воздействие, еще раз прибегнем к образному сравнению — на «железо» («лечение» тканей мозга) в данном случае ничего не даст; психические содержания останутся неизменными. С таким же успехом можно пытаться избавиться от вирусного заражения компьютера поливая клеммы соединений его блоков (его «синапсы») щелочью или кислотой.

При наличии нескольких (более обобщенных и более подробных) классификаций психофармакологических препаратов их также можно условно разделить на две основные группы:

- 1) вещества, которые притупляют душевные переживания (возвраща-

ясь к используемым аналогиям — снижают яркость «интерфейса», т.е. экрана, на который проецируется информация), в эту группу входят все нейролептики, транквилизаторы и антидепрессанты;

- 2) или наоборот — вещества, которые стимулируют общую психическую активность и яркость восприятия (повышают энергетическое обеспечение всех мозговых процессов, в частности ноотропы и психостимуляторы).

Но ни первые, ни вторые никак не меняют содержательное наполнение психической сферы (саму информацию). Здесь нет негативизма к психофармакологии, успехи которой было бы неверно не замечать. И автор вовсе не является ее противником, но последовательно выступает против ее необоснованного назначения, длительного, изолированного и бесконтрольного применения.

Никто из психопатологов не будет возражать, что, если пациент поступает в психиатрическую клинику в крайне возбужденном (с галлюцинациями и бредом) или агрессивном состоянии, психоз нужно прерывать, так как чем дольше длится обострение, тем больше (с каждым таким обострением) усиливается эмоционально-волевой и интеллектуальный дефект. Но неотложная терапия не должна растягиваться на месяцы и годы, тем более что доказательных случаев полного излечения от тяжелой психопатологии медицинской науке пока не известно. Здесь уместно напомнить, что выдающийся французский ученый А. Лабори (1974), один из разработчиков хлорпромазина (первого нейролептика, который был рекомендован для лечения шизофрении в 1952 г.), на склоне лет сделал неожиданное признание, что все их разработки — это всего-навсего «химическая смирительная рубашка» (Решетни-

ков, 2008, с. 55). В целом, с этим трудно не согласиться.

Во всех других случаях психического расстройства, когда необходимости в смирительной рубашке нет (и если не выявлено признаков органической патологии мозга), главной задачей является исследование *психогенеза* страдания пациентов и психическое воздействие психиатров, психотерапевтов и психологов не на мозг, а на содержание их психической сферы.

Еще одно существенное примечание: в отличие от самых различных вариантов искусственного интеллекта, где все программы и параметры исходно заданы, ожидаемые результаты анализа и синтеза предельно точны, а их векторы относительно легко прогнозируемы, человеческий интеллект отличается высочайшей способностью к саморазвитию в сочетании как с непрогнозируемостью и субъективностью восприятия любой информации, так и с нестандартностью и широкой вариативностью принимаемых решений (Канеман, 2013). Второе отличие состоит в том, что повреждающая нормально функционирующую психику информация (острая или хроническая психическая травма) может как поступать извне (как и в случаях компьютерных вирусов), так и порождаться самой психикой в виде ложных идей, переживаний, подозрений и т.д., которые становятся для нее самотравмирующими факторами.

Часть III

Дополнительные аргументы

Здесь мы приведем ряд дополнительных аргументов, свидетельствующих в пользу изложенной теории. Изучение феральных детей (более известных как «Маугли») показывает, что при отсутствии раннего погружения в социальную среду (или, как уже отмечалось — при отсутствии языкового программирования

мозга ребенка социальным окружением) нормальная человеческая психика не формируется (Лубовский, 1978). Как известно, личность появляется только тогда, когда она «приобретает свое особое “телесное” бытие, отличающееся от “телесного” бытия индивида» (Петровский, 1992, с. 45). Именно поэтому в научной среде такие индивиды получили наименование, происходящее от латинского «feralis», что значит «мертвый» или «заживо погребенный» (в социальном смысле), в данном случае — в собственном теле, так как эти индивиды, безусловно, принадлежат к семейству гоминид и роду человека, но не являются Homo sapiens.

Однако такие дети усваивают типичные формы коммуникации («язык») того животного сообщества, где им удалось выжить. Это позволяет сделать вывод, что наличие здорового мозга является необходимым, но недостаточным условием формирования и адекватного функционирования человеческой психики — обязательно требуется погружение в социальную человеческую среду и языковое программирование их психики.

В научной литературе подробно описаны уже хрестоматийные случаи, когда феральные дети могли общаться только по-волчьи или по-собачьи, и даже только на птичьем языке — свистом. Как отмечалось в публикациях, затрагивающих проблемы феральных детей (Bartra, 1997), при длительном нахождении в животном сообществе они полностью перенимали повадки своих «приемных родителей», которые затем, фактически, не поддавались коррекции даже несмотря на все усилия психологов и врачей-реабилитологов.

Прежде чем будет сделан еще один вывод, приведем краткое описание одного недавнего случая. Широкую известность в 1992 году на Украине получил случай, когда был обнаружен (до этого нормально развивавшийся) малолетний ребенок, который несохранными роди-

телями-алкоголиками был передан «под опеку» домашней собаке и поселен в ее будке, где прожил до 7 лет. Девочка очень быстро начала не есть и пить, а лакать пищу, почти утратила уже сформированные навыки человеческой речи и начала выть и лаять по-собачьи и после периода прямохождения вновь стала передвигаться на четырех конечностях. Узнав об этом с большим опозданием, органы опеки поместили ее в интернат для детей с дефектами развития. В процессе наблюдения врачей и психологов в личной карточке Оксаны отмечалось, что она ходит исключительно на четвереньках, при этом может высоко прыгать, например запрыгнуть с пола на стол, людей подпускает к себе неохотно, скалит зубы, рычит и пытается укусить. Понимание примитивных фраз человеческой речи частично сохранилось, но сама девочка практически не говорила. Она нередко убегала из интерната и проводила время в сообществе собак, с которыми себя идентифицировала.

Это позволяет сформулировать еще одно предположение, что *структуры психики и культура в целом являются весьма хрупким образованием.* С этой точки зрения, современная тенденция все большей толерантности относительно всяческих субкультур и демонстрации снисходительной приемлемости в отношении того, что веками было под культуральными запретами, требует более внимательного и более осторожного отношения.

Вторая группа дополнительных аргументов

Особого упоминания заслуживает работа А. Р. Лурии «Маленькая книжка о большой памяти» (1968). В этой книге автор описал наблюдавшегося у него на протяжении тридцати лет мнемониста С. В. Шерешевского (журналиста по профессии), патология которого была связана с неспособностью забывать. В предисло-

вии к американскому изданию этой книги (1965) Дж. Брунер, отдавая дань научному предвидению автора, назвал А. Р. Лурию «пришельцем из будущего». И для этого были реальные основания, так как А. Р. Лурией со всей очевидностью было обосновано, что психика функционирует как самый современный видеоматрифон (которых в то время еще не было): в ней фиксируется все, что человек когда-либо видел или слышал. Кстати, у книги есть авторский подзаголовок «Ум мнемониста». Не все на это обращают внимание, но я думаю, что А. Р. Лурия этим хотел подчеркнуть одну из существенных идей его книги: речь идет не о «мозге мнемониста», а именно об «уме» (о психике).

Даже через десятки лет С. В. Шерешевский мог описать с мельчайшими деталями, как выглядел кабинет и что было, например, на столе у А. Р. Лурии при их первой встрече. При этом, если Лурия просил рассказать о чем подробнее, Шерешевский закрывал глаза и говорил, что сейчас он «обойдет вокруг стола и глянет...», как бы включая объемную запись с дополнительной портативной «кинокамеры» (которых в то время также не было).

Отто Петцл в уже хрестоматийных опытах по подпороговому (защитному) восприятию (см.: Годфруа, 1996; Гримак, 1989) обосновал, что глаз видит больше, а ухо слышит лучше, чем мы способны воспринимать сознательно, и, таким образом, подпороговые стимулы могут определять формирование оценочных суждений, идей, мотивов поведения и принятия решений. Но мы пока очень мало знаем о том, что еще может храниться в глубинных структурах психики.

Еще одним научным фактом, свидетельствующим в пользу информационной теории психики, являются новейшие исследования Дж. Риццоллатти по «зеркальным нейронам» (Rizzolatti et al., 1996; Rizzolatti, Fogassi, Gallese, 2006). Из обыденной жизни нам хорошо известны си-

туации, когда двое разных людей (а особенно — близких, «настроенных» друг на друга людей) в процессе их межличностной коммуникации вдруг одновременно вспоминают одни и те же имена, идеи или высказывают одни и те же мысли. Позднее в процессе уникальных психофизиологических опытов, вначале на обезьянах, а затем на людях, Дж. Риццоллатти было экспериментально обосновано существование зеркальных нейронов. Дж. Риццоллатти весьма осторожен в формулировках и выводах, полученных в результате этих исследований. Тем не менее он отмечает, что именно зеркальные нейроны задействованы в понимании действий и даже невысказанных (!) намерений других людей, а возможно, что и причин, повлекших за собой возникновение этих намерений. Однако эту идею можно сформулировать более конкретно: фактически, эти нейроны действуют в качестве передающих информацию «станций» и одновременно способны принимать невербализованную (мысленную) информацию в качестве «приемников», где нематериальная информация в одних случаях преобразуется в нечто подобное радиоволнам, а в других — наоборот (своеобразный биологический Bluetooth). В целом, надо признать, что все современные ИТ-системы так или иначе моделируют те психические процессы, которые существуют в природе.

Позволю себе высказать предположение, что, возможно, именно этот тип «взаимопонимания» (с помощью зеркальных нейронов) лежит в основе коммуникации в животном сообществе. Многократно просматривая видеозаписи охоты, например львов, я не имею иной возможности объяснить, каким образом 3–4 львицы «договариваются», кто из них будет загонять добычу слева, кто будет справа, а кто будет сидеть в засаде и более того — где именно будет засада?

Приведем в подтверждение излагаемой теории еще одно клиническое на-

блюдение, когда пациенты утрачивали способность говорить на родном языке, но легко вступали в контакт с терапевтом на другом — т.е. отключалась одна программа психического функционирования и включалась другая. Первый такой случай, как известно, был описан З. Фрейдом в работе «Исследование истерии» в 1895 г. (Фрейд, 2005).

Часть IV

Проекция в философию, теорию эволюции и социальные науки

В процессе изложения этого материала уже были обозначены проекции новой теории в психологию, физиологию, клиническую медицину и психофармакологию. Но даже в первом приближении такое изложение было бы неполным без обращения к теории эволюции, философии и социологии.

Вряд ли требуется какое-то обоснование и довольно трудно оспаривать тезис о том, что в процессе эволюции у *Homo sapiens* гораздо раньше, чем началось создание первых орудий труда, начал формироваться язык (как средство межсубъектной коммуникации). Позднее появились человеческая речь и психические (вербальные) системы сохранения и передачи информации последующим поколениям. Зачатки этих систем хорошо известны зоопсихологам и обнаруживаются даже у примитивных животных (Gardner, 1980). Но главное отличие *Homo sapiens* состоит как раз в способности к накоплению, обобщению, умножению (производству) и сохранению постоянно возрастающих объемов информации. Этот вектор развития цивилизации легко прослеживается в исторической антропологии: от примитивных форм коммуникации — к человеческой речи, от обозначения предметов и явлений — к отвлеченным понятиям и обобщениям, от устной передачи зна-

ний — до изобретения письменности, от мифологических построений — к научно обоснованному знанию, от петроглифов, глиняных табличек и папирусов — к современным информационным системам.

С учетом этих положений нужно признать, что современное понятие эволюции, все еще являющееся результатом синтеза двух сугубо биологических подходов — классического дарвинизма и популяционной генетики, должно быть пересмотрено и расширено, в частности, путем включения в него информационно-психологических аспектов. Не труд создал человека, как предполагал Ф. Энгельс в своей монографии «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (Энгельс, 1961), а его способность к производству, накоплению, обмену и сохранению информации для передачи следующим поколениям. При этом ценность информации из века в век возрастала, постепенно окутываясь тайнами и сверхдорогими системами защиты.

Теперь обратимся к гуманитарным наукам. Исходя из предложенной теории, основной вопрос философии формулируется в его традиционном варианте: материя первична и субъект первичен, а сознание вторично, ибо сознание возникает только в социуме как информационная (идеальная, нематериальная) структура. Эта структура не может существовать без субъектов-носителей, воспринимающих, накапливающих, хранящих и передающих информацию. Для повышения надежности главной эволюционной (!) задачи сообщества *Homo sapiens* (задачи межпоколенческой передачи знаний и опыта) этими же субъектами начали использоваться другие носители информации, как уже было отмечено, начиная от петроглифов, папирусов и книг до современных мощных серверов. Но все эти хранители информации не несут и не предоставляют никакой информации без субъекта ее восприятия.

Напомним, что термин «основной вопрос философии» ввел Фридрих Энгельс в 1886 году в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Некоторые мыслители и уже далекого прошлого, и современники отрицают значимость этого вопроса, считая его надуманным, лишенным познавательного смысла и значения. Но нам нужно понять и признать, что значимость этого вопроса чрезвычайно возрастает в информационную эпоху. Более того, от его постановки и решения зависит сама возможность построения адекватного знания об окружающем мире. Напомним, что выдающиеся мыслители прошлого, такие как Платон, Лейбниц, Гегель и др. считали, что *мир идей существует независимо от нашего сознания*, а мир вещей является лишь воплощением мира идей.

Современные информационные технологии требуют качественно новых подходов к этим проблемам, так как повседневная реальность со всей убедительностью демонстрирует, что мир идей вовсе не независим от нашего сознания, более того — его можно формировать искусственно, качественно изменяя сложившиеся культурные коды. А следовательно, можно точно так же — искусственно, путем информационного воздействия, — создавать те или иные тренды и векторы развития мирового сообщества, как в форме ориентации на высокую культуру и научный прогресс, так и в форме межнациональной розни и терроризма или товарного фетишизма и сакрализации материального успеха.

Часть V

Гениальные идеи и гениальные ошибки

В заключение вернемся еще раз к истокам идеи о мозге, как вместилище всех психических функций. Отталкиваясь

от гипотезы Гиппократы, Декарт потратил несколько месяцев, анатомируя головы разных животных, надеясь найти объяснение, в чем состоит память, внимание и пр. (Декарт, 1989; Решетников, 2009). Естественно, это ему не удалось. Тем не менее достижения его гения общепризнаны, и для этого есть вполне определенные основания. Это был период, когда ученые начали склоняться к материалистическим (большой частью — механистическим) объяснениям своих открытий и наблюдений. Например, Уильям Гарвей, который открыл систему кровообращения, в своем описании апеллировал к уже хорошо известным человечеству техническим устройствам — трубам и насосам, отмечая, что по такой же (механической) схеме действует кровеносная система тела человека. Но Декарт расширяет этот принцип и переносит представления о механизмах внутренней регуляции организма на систему взаимодействия организма с внешним миром, по сути, предлагая механистическую концепцию психической деятельности.

Согласно этой концепции Декарта, взаимодействие организма с внешним миром осуществляется некой «нервной машиной», в которой мозгу (естественно) отводилась роль центра. От мозга во все части тела расходятся «нервные трубки» с «нитеями», которые, натягиваясь или ослабляясь, открывают некие «клапаны», пропускающие нервные импульсы от мозга к тем или иным частям тела (по аналогии с тем, как кровь проходит по сосудам). Повторим еще раз: в теории Декарта тело мыслится как машина, функционирующая по законам механики, а всеми его движениями управляет мозг. Тем не менее душа в системе представлений Декарта еще присутствует и наделена собственной активностью, но этот тезис теории Декарта вспоминают не так уж часто. В качестве его главной заслуги обычно отмечается, что он фактически описал реф-

лекторную дугу, хотя сам термин «рефлекс» в его работах не использовался.

Прежде чем мы перейдем к эпохальной работе И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (1863), где этот термин (рефлекс) обрел полные права «гражданства» в мировой науке, обратимся к историческому периоду, когда была написана эта статья. В 1859 году вышел уникальный труд Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь», который стал мощным стимулом для пересмотра научного мировоззрения у абсолютного большинства ученых мира. Более того, постепенно распространились отчасти ложные представления, что быть ученым и не быть дарвинистом — просто невозможно. За прошедшие 160 лет значимость этой монографии практически не изменилась, несмотря на все еще продолжающуюся полемику по поводу теории дарвинизма. Одни считают ее реальным описанием эволюции всего живого на нашей планете, а другие склонны оценивать ее как описание генетического единства (или даже как «единства акта творения») и наиболее последовательную классификацию всех живых существ. Тем не менее публикация этого уникального научного труда была, безусловно, революционным событием, в тот период значительной частью мирового научного сообщества однозначно интерпретированным как торжество материализма над идеализмом. Уже в 1861 году переводы отрывков и рецензии на книгу Ч. Дарвина публикуются в России, буквально всколыхнув весь научный мир. Более того, теория Ч. Дарвина активно обсуждается не только учеными, а всей высокообразованной российской интеллигенцией.

На этой волне редактор литературного альманаха «Современник» известный русский поэт Н. А. Некрасов обращается к своему знакомому — молодому, по-европейски образованному препода-

вателю Медико-хирургической академии И. М. Сеченову с предложением написать для этого журнала статью с обзором наиболее значимых проблем естествознания. В итоге появляется скорее не статья, а трактат под названием «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы». Однако государственная цензура и Священный синод (в тот период — высший орган управления делами Православной церкви) запретили публикацию «опасного сочинения», которое, по официальному заключению, «оскорбляло чувства верующих». Переписка по этому поводу между редакцией литературного альманаха, цензорами и Священным синодом по объему многократно превосходит саму статью и представляет самостоятельный интерес (Терехов, 1957). В итоге статья выходит в «Медицинском вестнике» под сугубо научным названием «Рефлексы головного мозга». Какие только определения в последующем не давали этой, безусловно, заслуживающей внимания, но глубоко ошибочной статье: «начало эры объективной психологии», «действительный инструмент анализа сложнейших механизмов работы мозга», «острое оружие научной полемики по многим актуальным проблемам современной нейрофизиологии» и т.д. и т.п. Мной умышленно опускаются авторы этих оценок, но цитировать В. И. Ленина все еще без ссылок не принято, поэтому приведу точно: «Он, этот научный психолог (И. М. Сеченов, — *М. Р.*), отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов» (Ленин, 1967, с. 127).

Нужно сказать, что статья И. М. Сеченова, начинающаяся словами: «Вам, конечно, случалось, любезный читатель, присутствовать при спорах о сущности души и ее зависимости от тела», — написана чрезвычайно талантливо, но в стиле скорее даже не трактата, а эссе, т.е. свободной

композиции личных соображений автора по конкретному поводу. Примечательно, что в самом начале статьи, после противопоставления себя всяческому дилетантам, автор констатирует, что мнение человека, который обладает некоторым авторитетом в этой сфере, легко «возводится в догму», а сам такой (компетентный) автор «легко делается кумиром». Это, собственно, и произошло в последующем и с самим произведением, и с его автором, что ничуть не умаляет историческую ценность и значимость и первого, и второго.

В целом в тексте И. М. Сеченова встречается множество бездоказательных утверждений и допущений типа: «говорят обыкновенно...», «стало быть...», «пусть не думает читатель...», «в этом смысле...», «как бы то ни было...» и т.д. А теперь приведем ведущие постулаты автора этой работы: «Войдемте же, любезный читатель, в тот мир явлений, который рождается из деятельности головного мозга. *Говорят обыкновенно*, что этот мир охватывает всю психическую жизнь, и *вряд ли есть уже теперь люди*, которые с *большими или меньшими оговорками* не принимали бы этой мысли за истину (курсив здесь и далее мой. — М. Р.)» (Сеченов, 1953, с. 32). «*Для нас, как для физиологов, достаточно и того*, что мозг есть орган души, т.е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность» (там же). «*Читателю становится разом понятно*, что все без исключения качества внешних проявлений мозговой деятельности, которые мы характеризуем, например, словами: одушевленность, страстность, насмешка, печаль, радость и пр., суть не что иное, как результат большего или меньшего укорочения какой-то группы мышц — *акта, как всем известно*, чисто механического» (там же, с. 33). «*Стало быть, головной*

мозг, орган души, при известных условиях (*по понятиям школы*) может производить движения роковым образом, то есть *как любая машина*, точно так, как, например, в стенных часах стрелки двигаются роковым образом оттого, что гири вертят часовые колеса» (там же, с. 37). Остановимся на этом. И даже не будем пытаться критиковать талантливого автора (с позиций современного знания критиковать гениев прошлого всегда легко), а проведем лишь критическую переоценку самого главного, что было сделано в этой работе.

Напомним, что в представлениях Декарта душа еще рассматривалась как самостоятельная структура, обладающая собственной активностью. В отличие от этого в концепции И. М. Сеченова душевная жизнь полностью сведена к механистической по своей сути и содержанию гипотезе о внутренней деятельности головного мозга, реакциям возбуждения и торможения нервных клеток, до этого подробно изученных И. М. Сеченовым в процессе опытов с раздражением мозга лягушки кристаллами соли. Не могу не отметить, что, к чести автора, в конце своей статьи И. М. Сеченов пишет: «Наконец, я должен сознаться, что строил все эти гипотезы, не будучи почти вовсе знаком с психологической литературой» (там же, с. 116).

Мой выдающийся соотечественник И. П. Павлов прочитал статью «Рефлексы головного мозга» еще в ранней юности, когда учился в рязанской духовной семинарии, и эта работа, по его собственному выражению, перевернула всю его жизнь. Напомним, что отталкиваясь от представлений И. М. Сеченова И. П. Павлов разработал теорию условных рефлексов, представления о первой и второй сигнальной системах и о высшей нервной деятельности. Никакого пересмотра теории И. М. Сеченова сделано не было, но был сделан ряд значительных шагов вперед в изучении нервной системы, о которых будет сказано чуть позднее.

А пока проанализируем: что еще происходило после исторической работы И. М. Сеченова? Перечислим максимально кратко общеизвестные факты, чтобы не утонуть в отступлениях, и обратимся только к самым выдающимся открытиям физиологов, главные из которых практически во всех случаях отмечались Нобелевскими премиями.

В 1897 году Ч. Шеррингтон сформулировал понятие о синапсах (пересмотрев декартовские представления о непрерывных «нервных трубках»), но Нобелевскую премию он получил только через 40 лет — в 1932 году за достижения в изучении структуры нервной системы. В 1906 году Нобелевская премия была присуждена К. Гольджи и С. Рамон-и-Кахаль за описание структуры и организации нейронов в различных областях головного мозга. В 1921 году О. Леви установил химическую природу передачи нервного возбуждения через синапсы и роль ацетилхолина (он получил Нобелевскую премию в 1936 году). В 1933 году А. В. Кибяков установил роль адреналина в синаптической передаче. В 1935 году В. Эрспамер открыл «энтерамин», в последующем названный серотонином, а в 1953 И. Пейдж и Б. Твэрэг обнаружили серотонин в головном мозге, который оказался также нейромедиатором и получил неофициальное наименование «гормона хорошего настроения» или «гормона счастья».

Обратим внимание, что изучение нервной системы и мозга шло все более тонкими методами, но его роль как эпицентра всех психических процессов никем не подвергалась сомнению. Более того, обоснованная выше «подмена понятий» и примитивная идентификация нервного и психического вообще никем не замечались! В силу этого внимание ученых, описывающих психические и психопатологические феномены в псевдофизиологической терминологии, постепенно перемещалось от реакций воз-

буждения и торможения в головном мозге и представлений о высшей нервной деятельности к псевдобихимической интерпретации психических процессов (к «химии психики»), а точнее — к обмену нейромедиаторов в синаптической щели.

Теперь возвратимся к уже упомянутому факту. Итак, был открыт «гормон счастья». Исходя именно из этого метафорического (!) наименования, мой коллега профессор И. П. Лапин (которого я близко знал) и сформулировал, а затем опубликовал (1969) очень осторожную гипотезу, что, *возможно*, развитие депрессии *может быть* связано с обменом серотонина в синаптической щели (Lapin, Oхenkrag, 1969). Сразу после этой публикации он получил приглашение в ведущие мировые фармакологические центры. Именно в результате этой гипотезы и ее, как с оттенком юмора констатировал в конце жизни сам И. П. Лапин, «срочного теоретического и экспериментального обоснования» появилась обширная группа медицинских препаратов с убедительным и красивым наименованием: «селективные ингибиторы обратного захвата серотонина». Лапин рассказывал об этом с оттенком определенного сарказма, именуя себя «дедушкой Прозака» и «сожалая», что гипотезы не патентуются, а фраза: «Они долго искали душу и наконец — о чудо (!) — нашли ее в синаптической щели!» — принадлежит именно ему. Хочу подчеркнуть, он никогда не говорил «мы искали». Эта фраза всегда звучала только в варианте «они искали».

Странно, но никто даже не задумался, что в этом предельно оглуленном подходе к терапии депрессий есть определенный элемент цинизма и даже кощунства. Назначая эти препараты сроком на 6–8 месяцев, а иногда рекомендуя их пожизненное применение («по аналогии с инсулином у диабетиков»), врачи как бы молчаливо признавали и убеждали мало осведомленную и даже просвещенную

публику: «Это не утрата любимого ребенка или другого близкого человека, материального или социального статуса, идеалов или смысла жизни спровоцировала депрессию — это просто следствие нарушения обмена нейромедиаторов». О том, как мои сомнения по всем этим вопросам привели меня вначале к гипотезе о «биологическом интерфейсе», а затем к нематериальной теории психики, подробно написано в первой части статьи.

Завершая изложение этого материала нужно еще раз вернуться к И. П. Павлову и его идее о второй сигнальной системе, которая, по сути, явилась одной из главных предпосылок обоснованной автором нематериальной теории психики. Напомним, что первая сигнальная система, которая реализуется на основе рефлекторной деятельности и мозговых механизмов (является общей для людей и всех животных), связывалась И. П. Павловым с подкорковыми образованиями. А вторая сигнальная система интерпретировалась как преобразование, в павловской терминологии — «сигнала сигналов» (слов), в ассоциативных полях коры головного мозга, что И. П. Павлов обозначил как «высшую нервную деятельность» (ВНД).

В начале своих исследований и обобщений И. П. Павлов стоял на строгих физиологических позициях и под страхом увольнения запрещал своим сотрудникам психологизировать его опыты с выработкой условных рефлексов и даже просто употреблять такие слова, как «собака догадалась», «захотела», «пожелала». Однако позднее учение об условных рефлексах было некритически перенесено на всю психику. Наиболее полно эта смена позиции И. П. Павлова была обозначена в его докладе на XIV Международном физиологическом конгрессе в Риме 2 сентября 1932 года. Прочитую две выдержки из этого доклада: «Я убежден, что приближается важный этап человеческой мыс-

ли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадет естественным путем мучительное противоречие или противопоставление моего сознания моему телу» (Павлов, 1949, с. 491). «Эту реальную и самыми общими линиями только что мной очерченную деятельность больших полушарий с ближайшей подкоркой, деятельность, обеспечивающую нормальные сложные отношения целого организма к внешнему миру, законно считать и называть вместо прежнего термина “психической” — высшей нервной деятельностью» (там же, с. 482). Это, конечно, великая ошибка великого ученого: в рефлексе психики не больше, чем в лампочке, снабженной сенсором, который срабатывает всякий раз, когда появляется какой-то движущийся объект. Однако под влиянием авторитета И. П. Павлова и его не менее талантливых и авторитетных последователей многие ученые до настоящего времени пытаются найти материальный субстрат психики или хотя бы его электрические или волновые эквиваленты в коре головного мозга и больших полушариях. Увы, бесполезно, ее там нет — она нематериальна.

Теория И. П. Павлова, которая отражала современное ему развитие науки, оказала и по-прежнему оказывает огромное влияние на развитие физиологии, клинической психиатрии и научной психологии. До сих пор в трудах моих уважаемых современников обнаруживаются ссылки на приведенные выше цитаты и фразы, подобные той, которую я процитирую без ссылки на авторство (но автор есть, и весьма заслуженный): «Мозг может не только адекватно отвечать на раздражители, но и предвидеть будущее, активно строить планы поведения и реализовать их в действии». Увы, мозг — это просто ткань, и он ничего предвидеть не может!

Еще раз подчеркнем, что, независимо от этого критического пересмотра его теоретических построений, И. П. Павлов остается выдающимся ученым-физиологом и одним из гениев XX века. Что касается его вклада в клиническую медицину и психологию, о значимости которых неустанно твердили его ученики и последователи, то здесь уместно обратиться к тому, как сам И. П. Павлов оценивал проекции своей теории в смежные области знаний и практики. В конце жизни он достаточно скромно констатировал: «Я не клиницист (я был и остаюсь физиологом) и, конечно, теперь — так поздно — не успею уже и не смогу сделаться клиницистом», — и поэтому, далее автор пишет, «в моих настоящих соображениях, как и в прежних моих экскурсах в невропатологию и психиатрию, я не смею при обсуждении соответствующего материала претендовать на достаточную с клинической точки зрения компетентность» (Павлов, 1949, с. 515). И еще одна цитата из Полного собрания сочинений И. П. Павлова: «...я хотел бы предупредить недоразумение в отношении ко мне. Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира человека» (там же, с. 104). Надеюсь, что коллеги понимают разницу между представлениями о внутреннем мире человека и физиологией высшей нервной деятельности.

Повторим еще раз: ошибки великих ученых — это великие ошибки, и они нуждаются в самостоятельном изучении и анализе. Но в данном случае нельзя даже пытаться в чем-то обвинить И. П. Павлова: он гениально предчувствовал различие между нервной регуляцией соматических функций и психической деятельностью и пытался найти объяснение последней на доступном для того периода развития науки уровне, сформулировав гипотезу о ВНД. Теория информации появилась в конце 1940-х годов, а И. П. Павлов, 170-летие со дня рождения которого

весь научный мир отметит в 2019-м, умер в 1936 г. Если бы теория информации появилась раньше, возможно, И. П. Павлов сделал бы совсем иные выводы относительно второй сигнальной системы.

Заключение

Одни коллеги, ознакомившись с этим материалом, оценили нематериальную теорию психики как открытие, которое должно качественно поменять все подходы к психике и к психопатологии, и я благодарю их за такую оценку. Другие испытали реальный когнитивный диссонанс, обещая подумать (скорее, с оттенком скепсиса), так как излагаемые идеи во многом противоречили тому, чему их учили, во что они верили, на основе чего выстраивали свои научные обобщения и осуществляли свои исследовательские и терапевтические подходы и стратегии. Третьи вообще отказывались слушать и даже обсуждать эту теорию, так как «она вступает в противоречие с устоявшимися представлениями», с «признанными авторитетами» и т.д. Отчасти удивительно, но восприятие излагаемых идей в молодежной аудитории студентов и аспирантов чаще всего выражается фразой: «А что — кто-то думает иначе?» Уверен, что адекватное восприятие и понимание новой теории придет не так скоро, даже несмотря на то, что все хорошо знают: сколько радио не разбирай — музыки в нем не найдешь!

Выводы

1. На протяжении двух тысячелетий ученые не замечали ошибочную подмену понятий: они говорили и писали об изучении или о терапии психики, а изучали и «лечили» мозг, в том числе с помощью лоботомии, электрошока и психофармакологии, параллельно изобретая псевдофизиологическую терминологию для описа-

ния мозговых механизмов психических процессов.

2. Мозг и психика — это две тесно связанные, но принципиально разные системы.

3. Мозг и нервная система — материальны и осуществляют регуляцию деятельности внутренних органов, рефлекторных реакций и адаптивных функций *организма*.

4. Психика нематериальна — это информационная структура, которая формируется на основе языкового программирования мозга только в социальной информационной среде, и является высшим уровнем регуляции познавательных, эмоциональных, поведенческих и идеомоторных актов, т.е. — *социальной адаптации личности в целом*, реализуемой в соответствии с языковыми и культурными требованиями конкретного социума, в котором эта психика была сформирована.

5. Невротические и другие психические расстройства, возникающие вследствие индивидуально значимых психических травм и «ударов судьбы» (более 50% современной психопатологии), когда одна информация (психическая травма) нарушает деятельность другой информационной системы (психики), — не связаны с патологией мозга.

6. Такие психические расстройства требуют качественно иных клинических подходов и качественно иной парадигмы терапии и реабилитации, мишенью которых является не мозг, а психика.

7. Современная академическая наука, фактически, еще не изучала психику, как информационную (идеальную, нематериальную) структуру, что потребует пересмотра парадигмы всех наук о человеке.

Литература

Бехтерев В. М. (1997) Будущее психиатрии: Введение в патологическую рефлексологию. СПб.: Наука.

Винер Н. (1968) Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио.

Годфруа Ж. (1996) Что такое психология: в 2-х т. Т. 1. М.: Мир.

Гримак Л. П. (1989) Резервы человеческой психики. М.: Политиздат.

Губачев Ю. М., Стабровский Е. М. (1981) Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений. Л.: Медицина.

Декарт Р. (1989) Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль.

Дубровский Д. И. (2015) Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация».

Канеман Д. (2013) Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ.

Лабори А. (1974) Метаболические и фармакологические основы нейрофизиологии. М.: Медицина.

Лакан Ж. (1995) Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском Конгрессе, прочитанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 года. М.: Гнозис.

Ленин В. И. (1967) Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.

Лубовский В. И. (1978) Развитие словесной регуляции действий у детей (в норме и патологии). М.: Педагогика.

Лурия А. Р. (1968) Маленькая книжка о большой памяти. М.: МГУ.

Павлов И. П. (1949) Полное собрание трудов: в 5 т. Т. III, кн. 1. М.-Л.: Академия наук СССР.

Петровский В. А. (1992) Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок.

Решетников М. М. (2008) Психическое расстройство. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2008.

Решетников М. М. (2011) Критический постматериализм в психологии и психиатрии // Неврологический вестник. Т. XLIII, вып. 2. С. 66–69.

Решетников М. М. (2018) Нематериальная теория психики // Форум молодых ученых. № 6 (22). С. 1–7.

Сеченов И. М. (1953) Рефлексы головного мозга. М.: Министерство просвещения СССР.

- Терехов П. Г.* (1957) Из истории книги И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (по архивным данным) // И. М. Сеченов и материалистическая психология / под ред. С. Л. Рубинштейна. М.: Академия наук СССР, 1957. С. 55–109.
- Фрейд З.* (2005) Исследование истерии. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа.
- Фрейд З.* (2006) Автопортрет. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа.
- Энгельс Ф.* (1961) Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М.: Политиздат.
- Bartra R.* (1997) Society's Fascination With The Wild Outsider. The Artificial Savage: Modern Myths of the Wild Man. Michigan: Univ of Michigan Pr.
- Gardner R. A., Gardner B. T.* (1980) Comparative psychology and language acquisition // T. A. Sebok and J.-U. Sebok (eds.) Speaking of Apes: A Critical Anthology of Two-Way Communication with Man. New York: Plenum Press. P. 287–329.
- Lapin I. P., Oxenkrag G. F.* (1969) Intensification of the central serotonergic processes as a possible determinant of thymoleptic effect. *Lancet*. № 1. P. 132–136.
- Reshetnikov M. M.* (2017a) Problem of Relation between Brain and Mind in Physiology, Medicine and Psychology // *J. of Psychiatry and Psychiatric Disorders*. № 1 (6). P. 313–316.
- Reshetnikov M. M.* (2017b) What is the Psyche? What are we Curing? *J. Anthropology*. V. 6, № 3. P. 11–15.
- Reshetnikov M. M.* (2018a) During Two Thousand Years We Were Looking for the Psyche in a Wrong Place (Ideas Live Their Own Life) // *International J. of Current Innovations in Advanced Research*. V. 1, Is. 4 (August). P. 82–87.
- Reshetnikov M. M.* (2018b) Non-material Nature of the Psyche // *Psychological Review. American Psychological Association*. V. 125, Is. 6 (2). P. 1035–1047.
- Reshetnikov M. M.* (2018c) Non-Material Theory of the Psyche: Historical Prerequisites, Argumentation and Practical Implications // *International J. Psychology & Psychological Research*. V. 3, Is. 5. P. 1–7.
- Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V. and Fogassi L.* (1996) Premotor cortex and the recognition of motor actions // *Cognitive Brain Research*. № 3. P. 131–141.
- Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V.* (2006) Mirrors in the Mind // *Scientific American* Band. V. 295, № 5 (November). P. 30–37.
- Volkan V.* (2003) Traumatized Societies // *Violence and Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism*. L.: International Psychoanalytic Association. P. 217–237.